

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Государственная молодежная политика как инструмент противодействия тенденциям деформации правосознания российской молодежи

Деформация правосознания российской молодежи имеет в своей основе множество факторов, одним из основных является противоречивая государственная молодежная политика, проводимая в 1990-х – 2000-х гг. Автор анализирует современное состояние государственной молодежной политики в аспекте ее влияния на различные элементы духовной культуры общества, в том числе на правосознание подрастающего поколения.

Ключевые слова: молодежь, право, правосознание, деформация правосознания, государственная молодежная политика.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

The state youth policy as a tool of counter-trends deformation of legal consciousness of the Russian youth

Deformation of legal consciousness of the Russian youth is based on many factors, one of the main is controversial state youth policy in the 1990s – 2000s. The author analyzes the current state of the state youth policy in the aspect of its impact on the various elements of spiritual culture of society, including the legal consciousness of the younger generation.

Key words: youth, law, legal consciousness, deformation of legal consciousness, state youth policy.

Молодежь – весьма сложный и противоречивый объект научного анализа, который традиционно привлекает внимание исследователей, представляющих различные гуманитарные науки – социологию, психологию, педагогику, политологию и др. За последние несколько десятилетий в рамках только социологии молодежи сконструировано множество теоретических концепций, объяснительных моделей, касающихся тех или иных молодежных проблем, предложено множество практических, социально-инженерных решений, многие из которых нашли свое воплощение, в том числе, и в законодательных актах. Как отмечает В.В. Павловский, «значительное внимание молодым поколениям уделяют страны мира, государственные, общественные и частные структуры и институты, международные организации» [1, с. 46–52].

Воплощением законотворческой деятельности, в которой приняли участие и ведущие отечественные социологи молодежи, стало

принятие в 1991 г. Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Концепция государственной молодежной политики, разработанная под руководством И.М. Ильинского и положенная в основу данного Закона, отражала стратегический замысел, состоявший в том, чтобы восстановить взаимодействие поколений, в котором развились обширные кризисы, обозначился «разрыв поколений» [2, с. 18]. Однако с распадом СССР и возникновением самостоятельного Российского государства федеральный закон о государственной молодежной политике так и не появился. Стоит отметить, что на принятый в 1999 г. Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» президент Б.Н. Ельцин наложил вето, которое депутаты Госдумы не смогли преодолеть [2, с. 20].

Вместе с тем, в 1990-е гг. были приняты законы о государственной молодежной политике (в некоторых случаях – о молодежи, о молодеж-

ной политике, о региональной государственной молодежной политике и т.д.) в Чувашской Республике (1992 г.), Республике Бурятия (1992 г.), Республике Татарстан (1993 г.), Кабардино-Балкарской Республике (1993 г.), Республике Хакасия (1993 г.), Республике Тува (1993 г.), Московской области (1995 г.), Оренбургской области (1995 г.), Ставропольском крае (1996 г.), Республике Мордовия (1996 г.), Омской области (1996 г.), в Ханты-Мансийском автономном округе (1998 г.) и многих других. По состоянию на 2013 г. региональные законы о молодежи и молодежной политике приняты в 73 субъектах Российской Федерации [2, с. 19].

По мнению С.С. Асатрян, «изменившаяся социально-экономическая обстановка в Российской Федерации привела к необходимости трансформации молодежной социальной политики на макро- и мезоуровнях. Реализация программ молодежной социальной политики, в основном, находится в ведении региональных органов управления, где решаются важнейшие проблемы данной категории населения» [3, с. 31–34]. При этом ситуация с перенесением акцента по реализации государственной молодежной политики с федерального центра на руководство субъектов Российской Федерации выглядит по меньшей мере неоднозначной. С одной стороны, на местах руководители лучше, чем в Москве, владеют информацией об актуальных проблемах молодежи и путях их решения. С другой стороны, «парад» местных законов не позволяет выработать единый подход к осуществлению государственной молодежной политики, а также оставляет «ниши» в ряде субъектов Российской Федерации, в которых отсутствуют даже региональные законы, касающиеся реализации молодежной политики.

Как справедливо отмечает А.А. Зеленин, «за последние десять лет мы были свидетелями создания так и не заработавшей государственной “Концепции государственной молодежной политики в РФ” (2001 г.), проекта “Доктрины государственной молодежной политики в РФ” (2002 г.). Все эти документы вызвали серьезную критику теоретиков и практиков и были отклонены. В 2006 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена “Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 г.”, также ставшая объектом оживленных дискуссий» [4, с. 3–4].

Важность молодежной проблематики подчеркивает тот факт, что указом Президента РФ Д.А. Медведева 2009 г. был объявлен Годом молодежи. На сегодняшний день российская власть много сделала для решения «наболе-

вших», системных проблем молодежи. Однако есть ряд трудностей, детерминированных именно проблемами в законодательном сопровождении данного вопроса. В частности, действующий сегодня официальный документ – «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации» (2006 г.) – рассматривает молодежную политику в контексте обеспечения национальной безопасности страны и трактует ее как предмет внимания всех органов государственной власти. Подобная оценка политической значимости молодежи и молодежной политики вполне оправдана. Государственная молодежная политика – это деятельность всего государства по созданию политико-правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека, развития молодежных объединений, движений и инициатив [4, с. 16]. Однако «Стратегия...» не решает всех проблем и не удовлетворяет все потребности, имеющиеся в обществе, социальных институтах и подсистемах, которые связаны с социальным взрослением молодежи, ее социализацией, инкультурацией.

Оставляя за рамками данного анализа вопрос о причинах столь противоречивой и неоднозначной государственной молодежной политики в нашей стране, хотелось бы подробнее остановиться на социальных последствиях сложившейся ситуации. Отсутствие концептуального доктринального ядра государственной молодежной политики приводит к ощутимым проблемам, прежде всего, в сфере духовно-нравственных практик подрастающего поколения. Стоит отметить, что именно эта сфера вызывает наибольшую озабоченность у ученых и представителей управленческих структур. Молодежь, вступая во взрослую жизнь, находясь на пороге масштабных перемен, оказывается «на обочине» социокультурной реальности, без соответствующего социального, нравственного, воспитательного воздействия. Более того, процессы социализации и социального развития молодого поколения тесным образом взаимосвязаны с успешностью/неуспешностью реализации государственной молодежной политики именно на общефедеральном уровне. Здесь важно продемонстрировать не только общую заинтересованность государства в конкретных («осязаемых») результатах социального взросления молодежи, но и очертить пути легитимного, социально одобряемого вектора социального развития подрастающего поколения. Важность придания государственной молодежной политике современной России целостного, концептуального характера обусловлена наличием

ряда серьезных вызовов и годами не решаемых системных социальных проблем, носителями которых выступает молодое поколение.

Так, И.М. Ильинский указывает на необходимость «предотвратить рост неуверенности молодежи перед лицом больших и грозящих ей перемен, тревоги за свое будущее, в котором оказывается человек, социальная группа или целый народ, что рождает у них желание снять эту тревогу, устранить неизвестность, неопределенность, а это всегда и всюду проявлялось в виде мощной социальной агрессии, которая может носить стихийный или организованный характер» [5].

По мнению В.Т. Лисовского, «в любую историческую эпоху молодежи приходится нелегко в силу маргинальности ее социального положения. В отличие от старшего поколения молодым терять нечего, но и приобретать нечего, так как старшие, живущие в капитализирующемся (принципиально новом для них) обществе, ничем не могут им помочь. Молодым приходится самим решать, что важнее: быстрое обогащение любыми (вплоть до криминальных) способами или приобретение высокой квалификации, обеспечивающей способность адаптироваться к новым условиям; отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к новой действительности; безграничная свобода межличностных (межполовых) взаимоотношений или семья – как оплот успешного существования» [6].

К числу наиболее серьезных молодежных проблем, годами не решаемых в нашей стране, можно отнести и деформацию правосознания. Проблема деформации правосознания молодежи особенно остро проявляется в практике российского социального управления. Несмотря на усилия государства в сфере воспитания молодого поколения, его интеграции в социум, преодоления тенденций отклоняющегося поведения (что стало одним из направлений в государственной молодежной политике), остается довольно высокой доля молодежи, толерантной к криминальной культуре, сознательно пренебрегающей нормами не только морали, но и права. При этом управленческие структуры далеко не всегда находят результативные ходы по оптимизации ситуации, особенно в плане доверительной коммуникации с подрастающим поколением. Корни проблемы необходимо искать в последствиях сложных, многоуровневых трансформационных процессов 1990-х – 2000-х гг., произошедших в России. В результате кардинальных изменений социально-политических, социально-экономических и социокультурных

основ общества в крайне сложном положении оказалось именно подрастающее поколение россиян. Молодежь в процессе интеграции во взрослое общество сталкивается с противоречивыми оценками, картинками мира, мировоззренческими комплексами, которые не способствуют формированию целостного мировосприятия, завершению процессов самоидентификации, «поиску себя» во взрослой жизни. В результате возникающих дисфункций процесса социализации и социального развития молодежи обостряется проблема деформации ее правосознания.

Стоит отметить, что деформация правосознания – это процесс, в результате которого у индивидов складываются определенные взгляды, знания, чувства, настроения, переживания и эмоции, идеи и представления, которые искаженно отражают правовую действительность и выражают отрицательное отношение к действующему праву, правосудию и законности, что приводит к формированию негативно ориентированного правового сознания [2].

В связи с этим ключевым остается вопрос о том, насколько эффективна нынешняя государственная молодежная политика в России, особенно в аспекте ее изрядной «регионализации» и децентрализации. Можно ли инструментами государственной молодежной политики противодействовать таким деструктивным духовным практикам подрастающего поколения, как, например, деформация правосознания? Ответ на этот и другие подобные вопросы кроется в общем отношении государства к духовно-нравственной сфере жизнедеятельности молодежи. В СССР существовала системная практика управления данной сферой, причем инструменты управления в подавляющем большинстве своем были предельно идеологизированы. Однако наступившая в 1990-х гг. обвальная деидеологизация, наряду с углубившейся аномией, духовно-нравственным кризисом, породили массу отрицательных последствий в молодежной среде – интолерантность, ксенофобию, радикализм, экстремизм. Это создало питательную среду для развития процессов деформации правосознания подрастающего поколения на фоне масштабной криминализации общества. Массовая культура, публичная политика, социальная сфера оказались наполнены деструктивным, криминальным «контентом», при этом государственная молодежная политика (предельно децентрализованная и разобщенная по своей сути) оказалась не способной противостоять негативным тенденциям. В 2000-е гг. ситуация осложнилась вследствие вхождения в социальную жизнь Интернета и информа-

ционно-компьютерных технологий, предельно обостривших проблему стихийной социализации. И опять инструменты государственной молодежной политики оказались не настроены на оперативное и эффективное решение возникшей проблемы.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что в систему реализации государственной молодежной политики не встроена «исследовательская составляющая». Возникает парадоксальная ситуация: определенные алгоритмы управленческих мероприятий декларируются законодательством, но при этом не прописывается механизм верификации действий и решений, экспертной оценки их эффективности и создания практических рекомендаций по оперативному решению возникающих проблем. Этим целям служат, в частности, мониторинговые, регулярно проводимые социологические исследования, призванные установить обратную связь с управляемым объектом, т.е. с молодежью.

Необходимо также добиться более широкого научного обсуждения законодательных инициатив, внедрения института экспертных оценок мероприятий государственной молодежной политики, как реализуемых, так и находящихся на стадии подготовки, чтобы исключить субъективность при принятии ключевых управленческих решений.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день в сфере осуществления государственной молодежной политики в России наличествует ряд системных социальных проблем, принявших инерционный характер вследствие длительности наличия противоречия.

Прежде всего, речь идет о том, что система духовной культуры любого общества, в том числе и российского, представляет собой целостное многоуровневое образование, эффективно управлять которым (либо влиять на его отдельные структурные элементы, в частности на правосознание молодежи) можно, только приняв за основу целостный, концептуальный подход. Такой подход должен был объединить серию законодательных актов, принятых на федеральном уровне, касающихся формирования и осуществления целостной государственной молодежной политики, направленной на пре-

одоление рисков аномии, деформации духовной культуры, ее основных элементов. Имеющееся в настоящее время значительное число региональных законов о молодежи при отсутствии федерального не позволяет осуществлять эффективную молодежную политику в условиях трансформирующегося российского общества, находящегося в стадии инновационного риска, быстрых социальных перемен.

Также следует подчеркнуть, что начиная с момента возникновения Российского государства федеральная молодежная политика выглядит противоречивой и неоднозначной. При этом состояние неопределенности и риска для молодежи только усугубляется, детерминируется как объективными условиями внешней среды, так и социально-возрастной спецификой молодых людей на фоне определенного законодательного «вакуума». Данная ситуация накладывается на противоречия социального взросления молодежи, сталкивающейся в процессе обретения статуса взрослого члена общества со значительными проблемами как личного, духовно-нравственного плана, так и экономическими, социальными, политическими, коммуникативными (последние особенно остро проявляются вследствие стремительного вхождения в жизнь российского общества Интернета и интернет-технологий).

Принимая во внимание вышеизложенное, стоит констатировать наличие угроз и вызовов, влекущих ряд негативных эффектов в молодежной среде, в том числе и деформацию правосознания. Молодежь оказывается включенной в контекст воздействия информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, что влечет за собой неконтролируемые изменения различной направленности в процессах социализации и социального развития. При этом государство реагирует на данные угрозы и вызовы либо с серьезным запозданием, утрачивая инициативу, либо не реагирует вовсе (в лучшем случае делегируя инструменты реагирования на уровень субъектов Российской Федерации). Именно в этом видится основная причина многих проблем в молодежной среде современной России, в частности в сфере деформации правосознания.

1. Павловский В.В. Социология молодежи и ювенология // Социс. 1999. № 5.

2. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. В.А. Лукова. М., 2013.

1. Pavlovsky V.V. Sociology of youth and juvenile studies // Socis. 1999. № 5.

2. The state youth policy: Russian and world practice the implementation of the innovative potential of new generations / gen. ed. by V.A. Lukov. Moscow, 2013.

3. Асатрян С.С. К вопросу независимой экспертной оценки молодежной политики // Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Краснодар, 2009.

4. Зеленин А.А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2009.

5. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001.

6. Лисовский В.Т. Социальные изменения в молодежной среде // *Credo new*. 2002. № 1.

3. Asatryan S.S. To the question of an independent expert assessment of youth policy // *Actual problems of social development of the Russian youth and ways of optimization of the state youth policy: proc. of the interregional sci.-pract. conf. Krasnodar, 2009.*

4. Zelenin A.A. *State youth policy of the Russian Federation: a conceptual framework of strategic priorities, the effectiveness of regional models: diss. ... Dr of Political Sciences. Nizhny Novgorod, 2009.*

5. Ilyinsky I.M. *Young people and youth policy. Philosophy. History. Theory. Moscow, 2001.*

6. Lisovsky V.T. *Social change in the youth // Credo new. 2002. № 1.*